

Тебе

«Пустите детей приходить ко Мне
и не возбраняйте им...»

Лука 18:16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Свитнес

Дело тут не во мне. И винить меня не за что. Ничего такого я не делала и понятия не имею, как это вообще могло произойти. Когда ее наконец из меня вытащили, я довольно быстро, не потребовалось и часа, поняла, что с ней что-то не так. Причем по-настоящему. Она была настолько черная, что я даже испугалась. Это была какая-то полночная, прямо-таки суданская чернота, как у обитателей Африки южнее Сахары. Сама-то я светлокожая, и волосы у меня красивые, можно сказать, каштановые; да и отец Лулы Энн тоже светлый. В моей семье никогда ни у кого даже близко не было такого цвета кожи, как у нее, — цвета дегтя, это, пожалуй, самое точное сравнение. А вот волосы у нее такой черной коже совсем не соответствуют. Они у нее густые, жесткие и почти прямые, точнее, слегка волнистые, как у этих австралийских аборигенов, которые голышом ходят. Можно,

конечно, предположить, что это необъяснимая «отрыжка» далекого прошлого, но насколько далекого? Вы бы на мою бабушку посмотрели: ее вообще всегда за белую принимали, и она ни с кем из своих детей сроду не общалась. Получит письмо, скажем, от моей матери или от моих теток и сразу же, прямо нераспечатанным, назад отправляет. В конце концов все они поняли, что переписке меж ними не бывать, и оставили ее в покое. Собственно, так в те времена поступали почти все светлые мулатки и квартеронки — особенно если у них волосы были «правильные» и не могли их выдать. А теперь попытайтесь представить, скольким белым в жилы тайком пробралась частица негритянской крови? Ну что, догадались? Насколько мне известно, таких двадцать процентов. Например, моя мать, Лула Мей, запросто могла бы за белую сойти, да только не захотела. Она мне рассказывала, какую цену ей пришлось заплатить за такое решение. Когда они с моим отцом пришли в ратушу, чтобы зарегистрировать брак, то оказалось, что там две Библии! Им велели класть руку на ту, что была только для негров. А на вторую могли класть руки только белые. Две Библии! Можете себе такое вообразить? Моя мать служила до-

моправительницей у одной богатой белой пары. Эти люди с удовольствием ели то, что она готовила; принимая ванну, просили ее потереть им спинку; да бог знает, сколько еще интимных вещей они ее делать заставляли; но прикасаться к их Библии ей было нельзя!

Кто-то, возможно, сочтет, что нехорошо, когда люди разбиваются на группы в соответствии с оттенком кожи — чем светлее, тем лучше, — и это касается всего: и отношений с соседями, и посещения клубов, и поведения в церквях и сестринских общинах, и даже обучения в школах для цветных. Но разве есть иной способ сохранить хотя бы чуточку достоинства? Как, например, избежать плевка в твою сторону в аптеке, или удара локтем на автобусной остановке, или требования сойти с тротуара в грязь и уступить его белым? Как не платить в магазине лишних пять центов за бумажный пакет, хотя всем белым покупателям пакеты выдаются бесплатно? А обо всяких мерзких прозвищах и говорить не стоит. Уж я-то их наслушалась с избытком. Моя мать, например, только благодаря светлому цвету кожи могла спокойно примерять в универмаге шляпки или пользоваться той же дамской комнатой, что и белые. И отец мой всегда примерял обувь пря-

мо в зале, а не в крошечной задней комнатке для цветных. И оба они, и мать, и отец, лучше умерли бы от жажды, но ни за что не позволили бы себе напиться из фонтанчика, где написано: «Только для цветных».

Мне очень неприятно об этом говорить, но моя дочь, Лула Энн, действительно еще в родильной палате привела меня в полное замешательство. Дело в том, что сразу после появления на свет она показалась мне довольно светлой — впрочем, даже у африканских младенцев цвет кожи сперва бледноват, — но потом очень быстро стала темнеть и буквально у меня на глазах превратилась в иссиня-черную негритянку. Я чуть с ума не сошла! Да нет, на какое-то время я точно разум утратила, потому что накрыла ей личико одеялом — пусть и всего на несколько секунд — и слегка прижала... Но нет! Этого я сделать не смогла, как бы сильно ни страдала при виде ее черной кожи. У меня даже мелькнула мысль отдать ее в какой-нибудь сиротский приют. А вот поступить, как некоторые другие, и подбросить ребенка на церковное крыльцо, я просто боялась. Недавно я слышала о паре из Германии, оба белые как снег, а ребенок у них темнокожий, и откуда он

такой взялся, никто объяснить не может. Вроде бы у них и не один ребенок, а двое, близнецы, — один белый, второй цветной. Вот только не знаю, правда ли это. Одно я знаю точно: кормить свою дочь грудью было для меня все равно, что давать сиську какому-то жалкому негритенку. И я, как только выписалась из больницы и оказалась дома, сразу же перешла на искусственное вскармливание.

Мой муж, Луис, работал проводником на железной дороге, и когда он вернулся домой после рейса и увидел нас, то посмотрел на меня так, словно я действительно спятила, раз показываю ему «это отродье». А на девочку он и вовсе глянул с отвращением — словно это существо с планеты Юпитер. Вообще-то привычки сквернословить у него не было, и когда он заорал: «Что это, черт побери, такое?!», я сразу поняла: дело плохо. И точно. Мы с ним начали ссориться, и в итоге наш брак развалился. Мы очень хорошо прожили первых три года, но когда родилась Лула Энн, муж обвинил меня в измене, а к девочке он и вовсе относился как к чужой или даже хуже — как к врагу.

Он никогда к ней не прикасался. И я так и не сумела убедить его, что мне никогда, никогда

даже в голову не приходило его обманывать, изменять ему. Он был абсолютно уверен, что я вру. Мы ссорились и спорили, и однажды я не выдержала и сказала, что свою черную кожу наша дочь наверняка унаследовала от его, а не от моих предков. Вот тут-то наш брак и рухнул окончательно; Луис просто встал, молча собрался и ушел, а мне пришлось искать другое жилье, подешевле. Я, правда, сообразила, что на переговоры с хозяевами девочку брать не стоит, и оставляла ее на попечение одной своей молоденькой родственницы. Я и потом старалась как можно реже ее показывать; даже гуляла с ней нечасто, потому что, стоило мне выйти на улицу с детской коляской, и многие люди, как знакомые, так совсем незнакомые, тут же к нам подходили и с улыбкой наклонялись над коляской, чтобы посюсюкать над младенцем, но тут же, вздрогнув от неожиданности, выпрямлялись, хмурились, а то и вовсе в сторону отскакивали. Очень все это было неприятно. Вот если б было наоборот — у нее светлая кожа, а у меня темная, — было бы значительно легче: меня запросто могли бы счесть ее нянькой. А в нашем случае все складывалось очень нехорошо. Ведь цветной женщине — даже такой светлокожей, как я, — снять квартиру в

приличном районе города очень сложно. Хотя в девяностые, когда родилась Лула Энн, закон специальный создали, согласно которому запрещалось подвергать дискриминации цветных квартиросъемщиков. Только мало кто на этот закон внимание обращал. Хозяин квартиры мог найти сколько угодно причин, лишь бы тебя в свой дом не впустить. И только с мистером Ли мне повезло, хоть я и знала, что с меня он берет на семь долларов больше, чем было написано в объявлении; и потом, он каждый раз страшно сердился, если я хоть на минуту опаздывала с оплатой квартиры.

Я велела девочке называть меня Свитнес¹, а не «мама» и не «мать». Так было безопасней. У нее такая черная кожа и такие ужасно толстые губы, что это только людей бы с толку сбивало, если б она меня мамой стала звать. Да и глаза у нее какие-то совсем уж невероятные — черные-пречерные, как у вороны, да еще и с голубоватым отливом; прямо как у ведьмы.

Довольно долго мы с ней жили только вдвоем. По-моему, и рассказывать не стоит, как

¹ Sweetness (англ.) — сладость; здесь: милая, любимая. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

тяжело быть брошенной женой. Но, похоже, у Луиса кошки на душе скребли из-за того, что он нас тогда бросил, и через какое-то время он выяснил, куда я переехала, и стал раз в месяц присылать мне деньги, хотя я его об этом никогда не просила и в суд за алиментами не обращалась. Его пятьдесят долларов и мои ночные дежурства в больнице позволяли нам с Лулой Энн вполне прилично существовать, но социальное пособие мне платить перестали. Что, в общем, было даже полезно. И вообще, хорошо бы это наконец перестали называть «пособием» и вернулись к тому слову, которым пользовались, когда моя мать была еще девочкой. Тогда это называлось «помощью». Звучит куда лучше, словно тебе просто дают кратковременную передышку, помогая собраться с силами. И потом, чиновники, назначающие пособие, всегда такие злобные! Каждый раз от них словно плеток получаешь. Когда я нашла работу и перестала нуждаться в их чертовом пособии, то, между прочим, зарабатывала побольше любого из них. Наверное, выписывая нам это худосочное пособие, они были настолько переполнены злобой и завистью, что невольно обращались с нами, как с попрошайками. Особенно если рядом со

мной была Лула Энн. Они так подозрительно смотрели то на нее, то на меня, словно я их обманываю или еще что. Но, в общем, жизнь у нас стала постепенно налаживаться. Хотя мне по-прежнему приходилось вести себя довольно осторожно. Особенно в том, что касалось воспитания Лулы Энн. Я вынуждена была обращаться с ней очень строго. Очень. Ее ведь нужно было научить умению вести себя должным образом, всегда быть неприметной, стараться ни в ком не вызывать раздражения. Да мне плевать, сколько раз она свое имя меняла! Ее черная кожа — вот тот крест, который ей до конца жизни нести. Только моей вины тут нет. Нет, и все.

Брайд

Мне страшно. Что-то со мной неладное творится. Такое ощущение, словно я вот-вот растаю, исчезну без следа. В общем, не могу этого толком объяснить, но точно знаю, когда все началось. После того как он заявил: «Ты не та женщина, которая мне нужна».

«Ну и мне не такой мужчина нужен!» — ответила я. И до сих пор не понимаю, зачем я